Взгляд Максима Грека на отношение московского митрополита к константинопольскому патриарху, мотивированный неоскверненностью святынь, хотя и вызвал против него обвинения, однако, повидимому, имел и свое положительное действие. В Исповедании веры, произнесенном Иоасафом при поставлении в митрополиты в 1539 г., не только совсем не говорится об отказе принимать поставление от цареградского патриарха, но выражается, наоборот, признание вселенских патриархов: «во всѣмъ послѣдую и по изначальству согласуя всесвятѣйшимъ вселеньскимъ патріархомъ».[1]

§ 17. Другое столкновение национальных устремлений Максима с отдельными русскими течениями входит в область наших отношений к татарским ханам и к турецкому султану. Как горячий патриот, преданный Византии, Максим Грек в первые годы пребывания в Москве лелеял мечту об освобождении своей родины от владычества турок и об ее политическом возрождении. Он не думал, что Византийская царская держава восстановится такой, как и была прежде: подобная мысль казалась ему обольстительной и суетной;[2] но он верил в политическое возрождение Византии под властью православного царя из династии московских государей и эту надежду открыто и ярко выразил уже в послании вел. кн. Василию Ивановичу, написанном вслед за окончанием перевода толковой псалтыри, т. е. в 1519 г.: «Буди намъ нѣкогда царствовати отъ нечестивыхъ работы свобоженымъ тобою,— писал он великому князю,— вся бо возможна и удобь совершаема всѣхъ владыцѣ и, якоже древле отъ нижнихъ галловъ воздвигнувъ великаго во царѣхъ Константина, древняго Рима, злѣ стужима, избави отъ нечестиваго Максентіа, сице и нынѣ новаго Рима, тяжцѣ волнуема отъ безбожныхъ агарянъ, благочестивѣйшею державою царствіа твоего да изволитъ свободити и отъ отеческихъ твоихъ престолъ наслѣдника покажетъ и свободы свѣтъ тобою да подастъ намъ бѣднымъ, милостію и щедротами его».[3] Настроенный так, Максим Грек, конечно, не мог сочувствовать уступчивой политике по отношению к Казани и Крыму и исканию союза с турецким султаном. Между тем московские дипломаты двадцатых годов, повидимому, увлеченные турецкими победами, несмотря на призыв, шедший с Запада,— ополчиться вместе против турок — настойчиво добивались именно союза с султаном. Таким образом они надеялись разрешить свои очередные задачи, избавиться от своих ближайших, наиболее беспокойных врагов — Крыма и Литвы. По

[1] Е. Голубинский. История русск. церкви, т. II, 1, стр. 740. М., 1900.

[2] Каз. изд., I, 1894. «Инока Максима Грека Слово 2-е о том же къ благовѣрнымъ, на богоборца пса Моамѳа, въ немъ же и сказаніе отъ части о кончинѣ вѣка сего», стр. 116.

[3] Каз. изд., II, стр. 318—319.